

1001 ночь.

Сказка о юноше и невольнице

Рассказывают также, что был в древние времена в Багдаде один человек из сыновей людей счастья, и он унаследовал от своего отца большие деньги. Этот человек любил одну невольницу и купил ее, и она любила его так же, как и он ее. И он до тех пор тратился на нее, пока не ушли все его деньги, так что из них ничего не осталось. И юноша стал искать какого-нибудь способа пропитания, чтобы прожить, но не мог найти. А этот юноша, в дни богатства, посещал собрания сведущих в искусстве пения и достиг отдаленнейших пределов. И он спросил совета у одного из друзей, и тот сказал ему: "Я не знаю для тебя ремесла лучше, чем петь вместе с твоей невольницей. Ты будешь брать за это большие деньги и есть и пить".

Но это было противно и юноше и невольнице, и девушка сказала ему: "Я нашла для тебя выход". – "А какой?" – спросил юноша, и невольница сказала: "Ты продашь меня, и мы вырвемся из этой беды – и я и ты, – и я буду жить в богатстве, так как подобную мне купит только обладатель богатства, и таким образом я буду причиной моего возвращения к тебе".

И юноша вывел невольницу на рынок, и первым, кто увидел ее, был один хашимит [640] из жителей Басры. Это был человек образованный, изысканный, со щедрой душой, и он купил девушку за тысячу пятьсот динаров.

"И когда я получил деньги, – говорил юноша, владелец невольницы, – я раскаялся, и мы с невольницей заплакали, и я стал просить об уничтожении продажи, но хашимит не согласился. И я положил динары в кошель и не знал, куда пойду, так как мой дом был пустыней без этой девушки, и я начал так плакать, бить себя по щекам и рыдать, как не случилось мне никогда. И я вошел в одну из мечетей, и сел там, плача, и был так ошеломлен, что перестал сознавать себя. И я заснул, положил кошель под голову, как подушку, и не успел я опомниться, как какой-то человек вытащил его у меня из-под головы и ушел, поспешно шагая. И я проснулся, уstraшенный и испуганный, и, поднявшись, побежал за тем человеком, и вдруг оказалось, что ноги у меня опутаны веревкой.

И я упал лицом вниз, и стал плакать и бить себя по щекам, и сказал себе: "Покинула тебя душа..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто седьмая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша рассказал, как у него пропал кошель, и продолжал: "И я сказал себе: "Покинула тебя душа, и пропали твои деньги!" И мое положение стало еще тяжелее. И я пришел к Тигру и, накинув одежду себе на лицо, бросился в реку, и люди, бывшие тут, поняли в чем дело и сказали: "Это из-за великой заботы, постигшей его".

И они бросились за мной, и вытащили меня, и спросили в чем дело, и я рассказал, что со мной случилось, и люди опечалились. И ко мне подошел один из них, старик, и сказал: "Твои деньги пропали, но как можешь ты способствовать тому, чтобы пропала твоя душа и ты стал бы одним из людей огня? Встань, пойдем со мной, я посмотрю твое жилище". И я встал, и когда мы достигли моего жилища, старик немного посидел у меня, пока то, что было во мне, не успокоилось, и я поблагодарил его за это, и он ушел. А когда он от меня вышел, я едва не убил себя, но вспомнил об огне и будущей жизни. И я вышел из дома, и побежал к одному из друзей, и рассказал ему, что со мной случилось, и мой друг заплакал из жалости ко мне, и дал мне пятьдесят динаров, и сказал: "Прими мой совет: уходи сейчас же из Багдада, и пусть эти деньги пойдут тебе на расходы, пока твое сердце не отвлечется от любви к ней и не утешится без нее. Ты из сыновей людей, пишущих и составляющих указы, у тебя отличный почерк и прекрасное образование. Отправляйся к любому из наместников и пади перед ним ниц – может быть, Аллах соединит тебя с твоей невольницей".

И я послушался его, и окрепла моя решимость, и исчезла часть моей заботы, и я решил направиться в землю Васита [641] – у меня были там родные. И я пошел на берег реки, и увидел корабль, стоявший на якоре, и матросов, носивших вещи и роскошные материи, и попросил их взять меня с собой, и они сказали: "Этот корабль принадлежит одному хашимиту, и нам невозможно тебя взять таким образом".

И я стал соблазнять матросов платой, и они сказали: "Если уж это неизбежно, тогда сними твою роскошную одежду, надень одежду матросов и садись с нами, как будто ты один из нас". И я вернулся в город, и купил кое-что из одежды матросов, и, надев это, взошел на корабль (а корабль направлялся в Басру). И я сошел на корабль с матросами, и не прошло и минуты, как я увидел мою невольницу, – ее самое, – и ей прислуживали две невольницы. И прошел бывший во мне гнев, и я сказал про себя: "Вот я и буду видеть ее и слушать ее пенье до Басры". И очень скоро после того приехал верхом хашимит, и с ним толпа людей, и они сели на корабль, и корабль поплыл с ними вниз). И хашимит выставил кушанья и начал есть, вместе с невольницей, и остальные тоже поели посреди корабля, а потом хашимит сказал невольнице: "До каких пор продлится этот отказ от пения и постоянная печаль и плач? Не ты первая рассталась с любимым!" И я узнал тогда, какова была любовь девушки ко мне. А затем хашимит повесил перед невольницей занавеску на краю корабля и, позвав тех, кто был на моем конце, сел с ними перед занавеской, и я спросил, кто они, и оказалось, что это братья хашимита. И хашимит выставил им то, что было нужно из вина и закусок, и они до тех пор понуждали девушку петь, пока она не потребовала лютню. И она настроила ее и начала петь, произнося такие два стиха:

"Караван отъехал с возлюбленным и идет во тьме,

И ночной свой путь, вместе с милыми, не прервут они.

У влюбленного, когда скрылся с глаз караван совсем,

Остался в сердце уголь гада пылающий" [642].

И потом девушку одолел плач, и она бросила лютню и прервала пение, и присутствующие огорчились, и я упал без памяти. И люди подумали, что со мной случился припадок падучей, и кто-то из них стал читать Коран мне на ухо, и они до тех пор уговаривали девушку и просили ее петь, пока она не настроила лютню и не начала петь, произнося такие два стиха:

"Я стояла, плача о путниках, что уехали,

Я храню их в сердце, хоть и далеко ушли они.

У развалин ставки стою теперь, вопрошая их,

Но дом ведь пуст, и безлюдны ныне жилища их".

И потом она упала, покрытая беспомощностью, и люди подняли плач, и я вскрикнул и упал без чувств. И матросы зашумели, и один из слуг хашимита сказал им: "Как вы повезли этого одержимого?" А потом они сказали друг другу: "Когда доедете до какой-нибудь деревни, сведите его и избавьте нас от него".

И меня охватила из-за этого великая забота и мучительное страданье, и я постарался быть как можно более стойким и сказал себе: "Нет мне хитрости для освобождения из их рук, если не дам знать девушке, что я нахожусь на корабле, чтобы она помешала им свести меня с

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

корабля". И потом мы ехали, пока не оказались близ одной деревни, и владелец корабля сказал: "Выйдем на берег". И люди вышли. А это было вечером, и я поднялся, и зашел за занавеску, и, взяв лютню, изменил на ней лады один за другим, и настроил ее на такой лад, которому девушка научилась у меня, а затем я вернулся на корабль..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто восьмая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил: "И затем я вернулся на свое место на корабле, и люди пришли с берега и возвратились на свои места на корабле, и луна распространилась над землей и над водой". И хашимит сказал девушке: "Ради Аллаха, не делай нашу жизнь горькой!" И она взяла лютню, и коснулась рукой струн, и так вскрикнула, что подумали, что дух вышел из нее, и потом она сказала: "Клянусь Аллахом, мой учитель с нами, на этом корабле!" – "Клянусь Аллахом, – воскликнул хашимит, будь он с нами, я не лишил бы его нашего общества, так как он, может быть, облегчил бы то, что с тобой, и мы бы воспользовались твоим пением! Но то, чтобы он был на корабле, – дело далекое". – "Я не могу играть на лютне и менять песни, когда мой господин с нами", – сказала девушка, и хашимит молвил: "Спросим матросов". – "Сделай так!" – сказала невольница, и хашимит спросил: "Взяли ли вы с собой кого-нибудь?" – "Нет", – ответили моряки, и я испугался, что расспросы прекратятся, и засмеялся, и сказал: "Да, я ее учитель, я учил ее, когда был ее господином". – "Клянусь Аллахом, это слова моего владыки!" – воскликнула невольница. И слуги подошли ко мне и привели меня к хашимиту, и, увидев меня, он меня узнал и сказал: "Горе тебе! Что с тобой и что тебя поразило, что ты в таком виде?"

И я рассказал ему, что со мной случилось, и заплакал, и раздалось рыданья невольницы из-за занавески, и хашимит со своими братьями горько заплакал от жалости ко мне, а потом он сказал: "Клянусь Аллахом, я не приближался к этой невольнице и не сходил с ней и не слышал ее пения до сегодняшнего дня. Я человек, которому Аллах расширил его надел, и я прибыл в Багдад лишь для того, чтобы послушать пение и испросить мое жалованье от повелителя правоверных, и сделал оба дела, и когда я захотел вернуться на родину, я сказал себе: "Послушаю багдадское пение!" – и купил эту невольницу. Я не знал, что вы оба в таком состоянии. Призываю Аллаха в свидетели: когда эта девушка достигнет Басры, я ее отпущу на волю и женю тебя на ней и буду выдавать вам столько, что вам хватит, и больше, но с условием, что когда мне захочется послушать пение, перед девушкой будут вешать занавеску, и она будет петь из-за занавески. А ты стал одним из моих братьев и сотрапезников".

И затем хашимит сунул голову за занавеску и спросил девушку: "Согласна ли ты на это?" И девушка принялась его благословлять и благодарить. И потом он позвал одного из слуг и сказал ему: "Возьми этого юношу за руку, сними с него его одежду, одень его в роскошные платья, окури его благовониями и приведи к нам".

И слуга взял меня, и сделал со мною то, что велел его господин, и привел меня к нему, и хашимит поставил передо мной вино, как он поставил его перед другими, и невольница начала петь на прекраснейший напев, произнося такие стихи:

"Порицали за то меня, что рыдала,

Когда милый пришел ко мне для прощанья.

Не вкушали они разлуки, не знают,

Как сжигает печаль тоски мои ребра.

Право, знает любовь и страсть лишь печальный,

Потерявший в кочевье их свое сердце".

И все пришли в великий восторг, и усилилась радость юноши, – и я взял у невольницы лютню, – говорил он, – и ударил по ней, извлекая прекраснейшие звуки, и произнес такие стихи:

"Проси дара, коль просишь ты благородных,

Всегда знавших богатство и изобилье,

Ибо просьба ко щедрому возвышает,

Обращенье же к низкому лишь позорит.

Если ж будет унизиться неизбежно,

Униженье, прося великих, отбрось ты.

Возвеличить достойного – не унизит,

Униженье – коль низких ты возвышаешь".

И люди обрадовались мне, и радость их усилилась, и они пребывали в радости и веселье, и то я пел немного, то невольница пела немного, пока мы не пристали где-то к берегу. Корабль стал на якорь, и все вышли, и я тоже вышел. А я был пьян и сел помочиться, и одолел меня сон, и я заснул, а путники вернулись на корабль, и он поплыл с ними вниз по реке, и они не знали о моем отсутствии, так как были пьяны. Я отдал деньги невольнице, и у меня ничего не осталось, и они уже достигли Басры, а я проснулся только от солнечного зноя. И я поднялся в том месте и осмотрелся, но не увидел никого, а я забыл спросить хашимита, как его зовут, где его дом в Басре и как о нем узнать. И я впал в смущенье, и оказалось, что моя былая радость о встрече с невольницей – сон. И я не знал, что делать, и прошел мимо меня большой корабль, и я вошел на этот корабль и приплыл в Басру, и я не знал там никого и не знал, где дом хашимита. И я зашел к одному зеленщику и взял у него чернильницу и бумагу..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто девятая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что багдадец, хозяин невольницы, когда приплыл в Басру, впал ночь в смущение, и он не знал, где дом хашимита.

"И я зашел к одному зеленщику, – говорил он, – и, взяв чернильницу и бумажку, сел и начал писать, и зеленщику понравился мой почерк. И он увидел, что на мне грязная одежда, и спросил меня о моем деле, и я рассказал ему, что я чужеземец, бедняк, и зеленщик сказал: "Не останешься ли ты у меня? Тебе будет каждый день полдирхема, пища и одежда, и ты будешь вести счета в моей лавке". И я сказал ему: "Хорошо". И остался у него, и привел в порядок его дела, и упорядочил его доход и расход, и когда прошел месяц, зеленщик увидел, что его доход увеличивается, а расход уменьшается, и поблагодарил меня за это. И он назначил мне за каждый день дирхем, и так шло, пока не кончился год, и тогда зеленщик предложил мне жениться на его дочери и стать его товарищем по владению лавкой, и я согласился на это. И я вошел к своей жене и стал сидеть в лавке с сокрушенным сердцем и умом, проявляя печаль, а зеленщик пил и звал меня к тому же, но я отказывался пить от горя. И я провел таким образом два года, и однажды, сидя в лавке, я вдруг увидел толпу людей, несших кушанья и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

напитки. Я спросил зеленщика в чем дело, и он сказал: "Сегодня день людей состоятельных, когда выходят музыканты и юноши из людей богатых на берег реки, чтобы поесть и попить среди деревьев, на канале Оболле" [643]. И душа призвала меня посмотреть на гулянье, в я сказал про себя: "Может быть, если я увижу этих людей, я встречу с той, кого люблю". И я сказал зеленщику: "Я тоже хочу этого". И зеленщик сказал: "Если желаешь, пойдй с ними".

И он приготовил мне кушанья и напитки, и я пошел, но когда я достиг канала Оболлы, я увидел, что люди уходят. И я хотел уходить с ними и вдруг вижу – капитан того самого корабля, на котором был хашимит с девушкой, плывет по каналу Оболле. И я закричал, и капитан и те, кто был с ним, узнали меня, и взяли к себе, и сказали: "Разве ты жив?" – и обняли меня, и спросили, что со мной было, и я рассказал им. "Мы думали, что тебя одолело опьянение и ты утонул в воде", – сказали они, а я спросил их, в каком состоянии невольница, и они сказали: "Когда она узнала, что ты пропал, она разорвала на себе одежду и сожгла лютню и принялась бить себя по щекам и рыдать, и когда мы вернулись с хашимитом в Басру, мы сказали ей: "Оставь этот плач и печаль". И она ответила: "Я надену черное и устрою в этом доме могилу, и буду сидеть у могилы, и откажусь от пения". И мы позволили ей, и она пребывает в таком состоянии до сих пор".

И они взяли меня с собой, и я пришел в их дом и увидел невольницу в таком состоянии, и она, увидав меня, испустила великий крик, так что я подумал, что она умерла, и обняла меня долгим объятием. И хашимит сказал мне: "Возьми ее". И я отвечал: "Хорошо, но только освободи ее, как ты мне обещал, и жени меня на ней". И хашимит освободил ее и дал нам дорогие вещи, и много одежды, и ковры, и пятьсот динаров и сказал: "Вот сколько я хотел вам выдавать каждый месяц, но с условием, что я буду пить с тобой и слушать невольницу".

И затем он освободил для нас дом и велел перенести туда все, что было нам нужно, и я отправился в этот дом и увидел, что он завален коврами и материями, и перевел туда девушку. И потом я пошел к зеленщику и рассказал ему обо всем, что со мной случилось, и попросил его освободить меня от ответственности за развод с его дочерью и не считать это грехом. И я дал ей приданое и то, что было обязательно. И я провел с хашимитом таким образом два года и стал обладателем большого богатства, и вернулась ко мне та жизнь, какую я жил с невольницей в Багдаде, и Аллах великодушный облегчил наше горе, и осыпал нас обильными благами, и сделал исходом нашей стойкости достижение желаемого, и ему да будет хвала в этой и в будущей жизни, и Аллах лучше знает истину".